

Небо затянуло тяжелыми свинцовыми тучами, и даже птицы попрятались в листве, не смея и носа высунуть в преддверии грядущей бури.

Се Чэньлу, привыкший казаться мягким и покладистым, сейчас выглядел совсем иначе. Его лицо, обычно источавшее тепло и нежность, потемнело, словно небо перед грозой. Видимо, доведенный до предела, он до того побледнел, что лишь глаза его горели пугающим, лихорадочным блеском.

Он протянул руку к Чу Цзюаню, с трудом выдавив из себя подобие улыбки:

— Ваше Высочество, идите ко мне.

Эта улыбка, обворожительная и вместе с тем пронизанная подавляемой яростью, казалась почти оскалом, разрушая привычный образ утонченного и кроткого человека.

Феникс, ничуть не испугавшись, вскинул свои яркие, вызывающие брови и резко поднялся на ноги:

— Триста лет назад тебе удалось его увести, неужели ты думаешь, что и сейчас сможешь это сделать?

Меч Фэнлин взметнулся вверх, исторгая столбы пламени, отчего полнеба окрасилось в багровые тона, словно залитое закатным заревом.

Се Чэньлу даже не взглянул на Феникса. Все его внимание было приковано к Чу Цзюаню. Однако тот, словно пьяный, даже не обернулся. Прислонившись к стволу дерева утун, он лишь мельком глянул на них и медленно прикрыл глаза.

Струйка недопитого вина скатилась по его четко очерченному кадыку и скрылась в ямке на худой ключице. Его белые одежды были распахнуты, а маска, соскользнув с лица, теперь висела на ветке дерева, слегка покачиваясь на ветру.

Он был пьян. Напился вместе с Хуан И.

Ладонь Се Чэньлу непроизвольно дернулась. Лишь заметив состояние Чу Цзюаня, он наконец перевел взгляд на юношу в красном, окутанного пламенем. Улыбка, которую он так старательно удерживал на лице, треснула, а из рукавов его халата вырвались потоки неистовой духовной энергии.

— Хочешь удержать его? Посмотрим, хватит ли у тебя сил!

С одной стороны небо пылало алым, с другой — отливало холодным, чистым сиянием духовной силы. Весь тайный мир содрогнулся от столкновения этих энергий, и бесчисленные обитатели острова поспешили покинуть свои жилища, опасаясь оказаться в эпицентре битвы, способной

потрясти основы мироздания.

Хуан И, юный владыка племени Фениксов, был гордостью своего рода. В свое время он был так же знаменит, как и сам Чу Цзюань, и его имя гремело во всех шести мирах.

Се Чэньлу, Нэйцзюнь Дворца Вэй, в свое время прославился как великий целитель. После гибели Чу Цзюаня и последовавшего за этим бесконечного затворничества императора, все полагали, что мир погрузится в хаос. Однако Се Чэньлу в одиночку взял на себя управление, не только наведя порядок в мире, но и, казалось, окончательно лишившись рассудка.

Бессмертные, собравшиеся поглазеть на происходящее, начали перешептываться:

— Из-за чего это Нэйцзюнь с молодым Фениксом не поделили? С чего вдруг схватились?

— Разве вы не помните? Триста лет назад они уже бились. Говорят, тогда они сражались от Южных ворот до самого Дворца Вэй, Хуан И требовал от Нэйцзюня объяснений, но в итоге был избит до полусмерти, верно?

— Ты все перепутал. Не за объяснениями он пришел. Говорят, Хуан И хотел забрать тело Чу Цзюаня, а Нэйцзюнь не позволил, вот они и схлестнулись...

Бессмертные лишь качали головами, поражаясь превратностям судьбы:

— Неужели из-за одного человека такая вражда?

Пока они сплетничали, двое противников уже были готовы ринуться в бой. Но как только блеск мечей стал невыносимым, из-под дерева утун раздался тонкий голосок:

— Папочка!

Туаньцзы, неуклюжий и боязливый, не любил высоту. Бифан, подхвативший его, случайно задел хвостом ветку. Едва малыш ухватился за сук дерева утун, как жаркое пламя опалило кору, и ветка с жалобным треском надломилась. Но чья-то рука вовремя подхватила ребенка.

Туаньцзы тут же вцепился в Чу Цзюаня, уткнувшись в него всем телом. Из-под копны белых волос виднелись лишь пара маленьких рожек и пара черных, как смоль, глаз:

— Папочка, мне страшно.

Хуан И замер.

Пламя за его спиной вспыхнуло с новой силой, но он не смел атаковать, боясь задеть Чу Цзюаня.

Хуан И в ярости рассмеялся:

— Столько лет прошло, а ты все такой же подлый и бесчестный!

Даже ребенка готов использовать в своих целях!

Се Чэньлу спрятал руки в рукава и холодно усмехнулся. Использовать? А что в этом такого? Это ребенок Чу Цзюаня, дитя, рожденное из крови двоих, выношенное десять месяцев и рожденное ценой жизни дракона. Это кровь Чу Цзюаня, связь, которую невозможно разорвать.

Он развернулся и, не оглядываясь, пошел прочь, зная, что Хуан И не посмеет напасть. Хуан И не смог бы убить его на глазах у Чу Цзюаня, чтобы ребенок увидел смерть своего отца.

— Се Чэньлу, — процедил Хуан И сквозь зубы, — думаешь, долго сможешь его обманывать? Всю жизнь?!

— Триста лет назад ты выманил у него рог дракона, неужели собираешься продолжать эту ложь и дальше?!

Заставить человека, ничего не помнящего, жить бок о бок с тем, кто был его злейшим врагом, кто предал его и разрушил всё — для Чу Цзюаня это было худшей из пыток.

Порывы ветра трепали полы зеленого халата Се Чэньлу. Его шаги были твердыми и спокойными, словно он не собирался оглядываться назад.

Вокруг них уже стоял магический барьер, скрывающий звуки от внешнего мира, включая самого Чу Цзюаня. Услышав слова Хуан И, Се Чэньлу лишь на мгновение замедлил шаг, но не обернулся.

Хуан И видел, как он слегка приподнял подбородок, словно усмехнувшись.

Се Чэньлу тихо произнес:

— Да, это ложь.

Что в этом плохого? Если его ложь позволит обманывать его всю жизнь — пусть так. Этой долгой жизни будет достаточно.

— Се Чэньлу!

Призрачный силуэт Феникса за спиной Хуан И издал пронзительный крик. Огненная лапа, подобно молнии, сомкнулась на горле Се Чэньлу. К удивлению всех, тот не оказал никакого сопротивления. Он безвольно повис в воздухе, словно ожидая приговора.

Все бессмертные ахнули. Если Хуан И убьет Нэйцзюня, не начнется ли новая война между мирами?

Огонь и ветер рвали тонкую ткань одежды. Огромный силуэт Феникса выглядел устрашающе, казалось, еще миг — и он переломит ему шею.

Пламя сжималось все сильнее, сдавливая горло. Се Чэньлу с трудом дышал, но не сопротивлялся. Его ясные глаза оставались спокойными, он даже слегка наклонил голову.

Его холодный голос прозвучал с оттенком улыбки, безумной и решительной, словно собственная жизнь для него ничего не значила:

— Ты уверен, что сможешь убить меня на глазах у Вашего Высочества и Туаньцзы?

Не посмеешь.

Се Чэньлу лучше других знал: Хуан И, хоть и вспыльчив, не всегда думает о последствиях, но у них обоих есть слабое место. Одна и та же ахиллесова пята.

Чу Цзюань закрыл глаза Туаньцзы. Малыш, чувствуя тревогу, тихо дернул его за рукав и испуганно прошептал:

— Папочка? Папа ушел?

Хотя бы ради ребенка он не убьет его на глазах у малыша. Хуан И тяжело дышал, стиснув зубы, и по сантиметру отводил пламя. В тот момент, когда Се Чэньлу схватился за горло, он внезапно произнес:

— Се Чэньлу, ты разве не заметил, что что-то не так?

Рука Се Чэньлу на мгновение замерла.

— Триста лет назад он боялся, что ты даже словом его обидишь, — Хуан И спрятал яростное пламя за спину, и в его голосе зазвучала насмешка. — А теперь? Я чуть не убил тебя на его глазах, а он даже глазом не повел.

То, что было тогда, уже не вернуть.

— Ты все еще пытаешься обмануть самого себя?!

Хуан И резко убрал меч, с наслаждением наблюдая за тем, как лицо Се Чэньлу, обычно невозмутимое, внезапно стало белым, как снег перед бурей.

Если бы он убил его прямо сейчас, это было бы для него мучительнее тысячи смертей.

Огненный вихрь утих. Последний раз взглянув на того, кто сидел под деревом, огромный Феникс превратился в огненную птицу, покружил над деревом утун и неохотно улетел.

Барьер рассыпался на тысячи осколков. Внутри остался только один человек. Се Чэньлу медленно поднялся, расправил плечи и, обведя холодным взглядом окрестности, произнес:

— Еще не убрались?

Бессмертные, наблюдавшие из тени, почувствовали, как холод пробежал по спине от одного лишь этого взгляда, и поспешили скрыться, словно за ними гнались демоны. Никто не смел проронить ни слова.

В последние годы безумие Се Чэньлу стало притчей во языцех. Все разумные старались держаться от него подальше. Кто знает, когда этот сумасшедший снова сорвется?

Вокруг воцарилась тишина. Лишь ветер шелестел листвой дерева утун, срывая сухие листья, которые падали на его белоснежные одежды.

<http://bllate.org/book/18619/1792532>